

© 2019. О. Л. Фетисенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

**«Наследники Византии» в оценке друзей и недругов:
Российская государственность
как сквозная тема «восточных повестей» К. Н. Леонтьева**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-012-00055*

Статья посвящена исследованию геополитической проблематики художественных произведений К. Н. Леонтьева, созданных в годы консульской службы в греческих и болгарских провинциях Турецкой Империи, а также вскоре после его выхода в отставку. Проводя обзор «восточных повестей» Леонтьева, посвященных главным образом жизни греков, автор выявляет особенности поэтики произведений цикла. В статье доказывается, что «восточные повести» выходят далеко за рамки «этнографизма» или «этнопсихологизма», предоставляя художнику возможность различить в чужом родственное, а также увидеть Россию и русских со стороны, показать ее восприятие греками и южными славянами. Как необходимый в художественной проблематике повестей исследуется «элемент геополитической аналитики». Особое внимание уделено рассмотрению отмеченных Леонтьевым особенностей восприятия России старшим и младшим поколениями греков. Автор статьи констатирует, что старшее поколение безоговорочно верит России, полагает русских подлинными наследниками Византии, а молодые европеизированные греки в большинстве своем на Россию уже не смотрят или видят в ней враждебное начало. Этот конфликт настроений рассматривается в работе как своеобразное отражение духовных процессов, происходящих и в реальном, не идеализированном русском мире. Автор статьи констатирует надежду Леонтьева на высокую миссию российского православного государства, примиряющего в себе и вокруг себя различные вероисповедные начала.

Ключевые слова: Леонтьев К. Н., «восточные повести», южные славяне, греки, этнографизм, этнопсихологизм, восприятие России, русский мир, православие.

Информация об авторе: Фетисенко Ольга Леонидовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия
E-mail: betsy98@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 20.10.2020

Дата публикации статьи: 08.12.2020

Для цитирования: Фетисенко О. Л. «Наследники Византии» в оценке друзей и недругов: Российская государственность как сквозная тема «восточных повестей» К. Н. Леонтьева // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 4. С. 250–259. DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-250-259>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019. **Olga L. Fetisenko**
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

“Heirs of Byzantium” in the assessment of friends and foes: Russian sovereignty as a cross-cutting theme of “oriental stories” by Konstantin Leontiev

*The reported study was funded by RFBR,
project number 18-012-00055*

The article is devoted to the study of the geopolitical problems of the artistic works of Konstantin Leontiev, created during the years of consular service in the Greek and Bulgarian provinces of the Turkish Empire, as well as shortly after his retirement. Reviewing Konstantin Leontiev’s “oriental stories”, devoted mainly to the life of the Greeks, the author reveals the peculiarities of the poetics of the works of the cycle. The article proves that “oriental stories” go far beyond “ethnographism” or “ethnopsychologism”, giving the artist the opportunity to distinguish what is related to others, as well as to see Russia and Russians from the outside, to show its perception by the Greeks and the South Slavs. The “element of geopolitical analytics” is investigated as necessary in the artistic problems of the stories. Particular attention is paid to the consideration of the features of the perception of Russia by the older and younger generations of Greeks noted by Konstantin Leontiev. The author of the article states that the older generation unconditionally believed in Russia, considered the Russians to be the true heirs of Byzantium; while the young europeanised Greeks, for the most part, no longer looked at Russia or saw it as a hostile origin. This conflict of moods is viewed in the work as a kind of reflection of the spiritual processes taking place in the real, not idealised, Russian world. The author of the article states Leontiev’s hope for the high mission of the Russian Orthodox state, which reconciles various religious principles in itself and around itself.

Keywords: Konstantin Leontiev, “oriental stories”, South Slavs, Greeks, ethnography, ethnopsychologism, perception of Russia, Russian world, Orthodoxy.

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova st. 4, 199034, St. Petersburg, Russia

E-mail: betsy98@mail.ru

Received: October 20, 2020

Published: December 8, 2020

For citation: Fetisenko O. L. “Heirs of Byzantium” in the assessment of friends and foes: Russian sovereignty as a cross-cutting theme of “oriental stories” by Konstantin Leontiev. Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 4, pp. 250–259. (In Russ.) DOI <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-4-250-259>

В наши дни К. Н. Леонтьева знают и ценят, прежде всего, как мыслителя и публициста, но при жизни более известна была его проза. Полное представление о художественном наследии Леонтьева составить невозможно хотя бы потому, что значительная его часть (романный цикл «Река времен») была уничтожена им в начале сентября 1871 г. в порыве самоотречения после первых недель, проведенных на Св. Горе Афон. Из тех произведений, которые были доступны читателям и критикам, наибольший отклик вызвали «восточные повести». Так принято называть ряд произведений, созданных в годы консульской службы Леонтьева в греческих и болгарских провинциях Турецкой Империи или сразу после его выхода в отставку и опубликованных в 1867–1882 гг. почти исключительно в «Русском вестнике» (рассказ «Хамид и Маноли» помещен в почвеннической «Заре», «Капитан Илия» — в «Московских ведомостях»), а в строгом смысле слова — те, что вошли в изданный в 1876 г. М. Н. Катковым трехтомник «Из жизни христиан в Турции» («Очерки Крита», собственно «повести» и первая часть эпопеи «Одиссей Полихрониадес»; ее вторая часть под названием «Камень Сизифа» печаталась в «Русском вестнике» в 1877–1878 гг., и еще одна небольшая часть опубликована в 1882 г.). В академическом собрании сочинений эти тексты составили третий и четвертый тома [Леонтьев 3, 4]. Тесно примыкает к этому циклу незавершенный автобиографический роман «Египетский голубь» (1881–1882). В предисловии к изданию 1876 г. Леонтьев подчеркнул, что повести посвящены главным образом жизни греков, наших «братьев по истории» [Леонтьев 3: 10], с которыми русских соединяет не кровная, а вероисповедная и культурная связь.

Современники (среди рецензентов — Вс. С. Соловьев, В. Г. Авсенько, Е. Л. Марков) были единодушны в том, что основная ценность этих произведений — «этнографическая» — заключается в открытии читателю целого неизвестного мира. Особая актуальность леонтьев-

ских повестей отмечалась рецензентами в связи с ожиданием решения Восточного вопроса. Приведем цитату из рецензии Вс. С. Соловьева: «Далекая от нас и в последнее время особенно имеющая право на наше внимание жизнь ярко выступает под пером талантливого писателя, который, очевидно, долго и добросовестно изучал ее» [В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: 341]¹. И позднее все упоминавшие об этом цикле (В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, Ю. П. Иваск и др.) обращали внимание преимущественно на ту же сторону дела: повести рассматривались под знаком ориентализма, как верное (и не «фотографическое», а «художественное») воспроизведение быта и самой «души» Востока. Розанов, например, писал: «Леонтьев был первый из русских и, может быть, европейцев, который, говоря языком Белинского, открыл “пафос” (живую душу, настоящий смысл, поэзию) туретчины <...>. “Ах ты, турецкий игумен”, — не мог я не ахнуть, перечитав у него разговор одного муллы с молодым турком, поллюбившим христианку. <...> ... с таким вкусом и знанием, с таким любованием на наивность турка это рассказано, как русский вообще никогда не найдет в себе подобных слов для мусульманина» [В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: 67–68].

Критики не могли не заметить особенностей леонтьевской поэтики, прежде всего самого строя повествования (не случайно уже первые рецензенты «Одиссея Полихрониадеса» задавались вопросом — не публикует ли Леонтьев в переводе подлинные записки некоего молодого грека). Е. Л. Марков признавался: «...читая “Камень Сизифа”, мы никак не могли рассеять иллюзии, что весь рассказ автора от слова до слова, есть не что иное, как страницы дневника», и добавлял: «Это очень лестный признак для творческой силы г. Леонтьева, если мнимый дневник есть его фантазия» [В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: 395]. В. Г. Авсеенко говорил о том же: «...порою вам может показаться, будто вы читаете подлинные записки молодого Одиссея Полихрониадеса или слушаете подлинный рассказ Яни-сфакиота» [В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: 378]. Позднее Борис Грифцов найдет точные слова для характеристики леонтьевского повествования: оно ведется «почти так же, как сами простые люди рассказывали бы о себе» [Грифцов: 307].

¹ Ср. в рецензии газеты «Голос»: «Он умеет глубоко проникать в душу этих лукаво добродушных натур и воспроизводить с замечательным умением и точностью оригинальные ходы их мыслительного и психического процессов» [В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: 381].

Для самого автора ценнее всего был не «этнографизм» (он старался уходить от излишних подробностей «описательства») и не «этнопсихологизм», а эксперимент со стилем. В одном из писем к Вс. С. Соловьеву Леонтьев объяснял свое стремление сделать прозу похожей на тонкие фарфоровые чашечки [Леонтьев 11, кн. 2: 337], а в письме к Н. Н. Страхову так формулировал насущную литературную программу: «Поворот к лиризму, к высокой *несложности* изображений...» [Леонтьев 11, кн. 2: 281]. Именно в этом смысле Леонтьев-прозаик воспринимался С. Н. Дурылиным прямым наследником Пушкина и Лермонтова [Дурылин: 120, 504].

Филолог и поэт Н. А. Ганина подчеркнула, что «восточные повести» Леонтьева — не стилизация, и определила их как «новогреческий эпос, выросший в тиши и чудом (не перевода, но непосредственного усвоения) поселившийся в русской словесности» [Ганина]. Исследовательница подметила еще одну особенность этих повестей: Леонтьев понимал, что описывает «уходящую натуру»; «за спиной были пока еще дикие скалы Эллады и пока еще незыблемый утес Российской Империи, но Леонтьев видел и другое». Подразумевается: видел, что и русский «утес» скоро станет «уходящей натурой», и его ждут «годины праха и молчания».

Сам Леонтьев годы, проведенные на дипломатической службе, воспринимал как счастливую¹ возможность не только увидеть новое (Лишь бы *уметь наблюдать* то, что *видишь*»; [Леонтьев 11, кн. 1: 292]) и различить в чужом родственное, но еще и взглянуть на Россию и русских со стороны². Именно поэтому почти во всех произведениях это-

¹ Это слово хочется подчеркнуть. Леонтьев действительно был очень счастлив в те годы. Упомянутый нами роман «Египетский голубь» подтверждает это двуединым чувством, одушевляющим его протагониста консула Ладнева: как я рад, что я русский, как я рад, что я живу в Турции.

² Ср. в письме к Н. Н. Страхову от 26 октября 1869 г.: «...у меня есть драгоценные данные, почерпнутые из Восточной жизни, которая (т. е. жизнь на Востоке) вообще уясняет во многом поразительно взгляд и на Россию» [Леонтьев 11, кн. 1: 275]. В неизданном при жизни очерке об Ап. А. Григорьеве, датированном тем же годом, Леонтьев писал: «Вдали от отчизны я лучше вижу ее и выше ценю. — Не потому я ее ценю выше, что дальше от ее зол, как подумают иные; — а потому, что больше понимаю, узнавши больше чужое. — Страна, в которой я теперь живу, особенно выгодна для того, чтобы постичь во всей ширине историческое призвание России. — И эта мысль одна из величайших отрад моих» [Леонтьев 6, кн. 1: 14].

го цикла Россия или фоново присутствует (в том виде, как это было в действительности: упоминаются присланные из России на престольное Евангелие или митра, иконы «русской работы», открытые с помощью России школы), или проблематизируется как образ «северного великана» (для одних дружественного — «добрый сосед северный» [Леонтьев 3: 300], другим представляющегося враждебным¹ — «мрачный кумир, которому поклоняется невежество», «мрачный Ариман Севера» [Леонтьев 3: 229, 233]).

Действие в «восточных повестях» происходит в 1858–1870 гг., часты отступления в периоды Русско-турецкой 1828–1829 гг. и Крымской войн. Большинство повестей и роман написаны от первого лица. Рассказ ведется греком и обращен в одних произведениях к слушателю/читателю греку же, в других («Хризо», «Капитан Илия») — к русскому адресату, но поскольку для автора адресатом являлись его собственные соотечественники (хотя он и мечтал о том, чтобы эти произведения увидели свет и на греческом языке), он и не забывал то развернутой репликой, то говорящей деталью показать восприятие греками и южными славянами России в полной парадигме воззрений и умонастроений.

Тот же самый вопрос он не раз затрагивал и в дипломатических донесениях, с интересом читавшихся самим кн. А. М. Горчаковым, поэтому элемент «геополитической аналитики» и в художественных произведениях оказался весомым, а сообщенные подробности актуальными как для той эпохи (барон А. Г. Жомини говорил Леонтьеву, что из одной повести «Аспазия Ламприди»² узнал больше полезного, чем из 200 донесений³; разумеется, он имел в виду не бытовые частности, а именно сведения о «настроениях умов»), так и для нашего времени, когда дипломаты и политики ищут возможности применения

¹ Адвокат в рассказе «Капитан Илия» называет Россию Полярным Колоссом, который заставляет греков задуматься «своею двусмысленною политикой» [Леонтьев 3: 397].

² Фактически это «роман воспитания» в сжатой форме. В романе «Одиссей Полихрониадес» много схожего с этой повестью, и, в частности, здесь тоже словно коллекционируются суждения греков и турок о России.

³ См.: [Леонтьев 12, кн. 1: 175]. «Глубокую политическую идею» повести выделил уже первый рецензент, С. Николаевский [В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: 326]; авторство впервые установлено в ПСС К. Н. Леонтьева [Леонтьев 3:744].

«мягкой силы», а на место «христиан Турции» можно подставить, например, «постсоветское пространство», «русский мир» и т. д.

Если бы Леонтьев был только писателем, путешественником-ориенталистом, резонно было бы предположить, что его тексты — плод наблюдений постороннего и не всё, что говорили ему, — правда. Но автор «восточных повестей» был консулом, который, как мы знаем по его донесениям, умело пользовался широкой сетью агентуры и сам старался найти правдивые сведения, быть в своих сообщениях очень точным. Такой же подход обнаруживается и в его беллетристике. Вспомним хотя бы наставление консула Благова его «информантам» загорцам: писать «без гипербол и клеветы» [Леонтьев 4: 81].

Если суммировать наблюдения Леонтьева над тем, что думают о России греки «свободной Эллады» и живущие в «туретчине», окажется, что независимо от местопребывания старшее поколение (особенно церковно настроенные люди) безоговорочно верит России¹, они-то и полагают русских подлинными наследниками Византии, которым суждено освободить Царьград от «власти неверных». Россия для них — «единоверная держава», «великая православная сила» с мощным царем и «несметным войском» [Леонтьев 3: 220, 378; 4: 50]. В подчеркивании последней детали проявляется «корыстный интерес» греков к России как возможной освободительнице от «турецкого ига». Наиболее чистое и бескорыстное сочувствие, как неоднократно показал Леонтьев, испытывали те, кто больше думал о «колокольном звоне», чем о несметном войске, те, для кого Россия прежде всего ассоциировалась с православным благочестием. Безымянный торговец-грек в повести «Аспазия Ламприди» наивно представляет себе Россию как идеальное православное царство, где и «люди хорошие»², и церковное благолепие,

¹ Ср. в повести «Хризо»: «...народ наш любит вас и чтит ваше правительство. <...> Только на ваш флаг с любовью и надеждой смотрит, вздыхая, мой отец... Только ваше имя с любовью произносится в самых диких ущельях гор...» [Леонтьев 3: 35]. В повести «Пембе», казалось бы, по сюжету очень далекой от русской проблематики, тоже встречается упоминание о «старых греках», которые с надеждой обращают взоры на север: «Да здравствует Россия, надежда наша! Да здравствует единственный столб православия в мире! <...> она спасет нас, несчастных, от турок!» [Леонтьев 3: 102].

² Ср. с характеристикой русских, данной отцом Одиссея в одноименном романе: «народ веселый и щедрый» [Леонтьев 4: 21].

и «спокойствие, свобода и порядок», и даже «суды прекрасные и скорые» [Леонтьев 3: 332]¹.

Качества, которые «старые греки» (а вместе с ними и «старые турки») одобряют в русских, можно назвать государство устроителями, способствующими «крепости» государства. Это, прежде всего, религиозность², патриотическая настроенность и умение подчиняться властям. «...Русские не дерзки, как эти французы, но они чрезвычайно тверды в государственных делах...» [Леонтьев 4: 201]. (Правда, образованный рассказчик в повести «Хризо» успел заметить в Москве, что русские студенты настроены не патриотично, но надеялся, что «теперь» (подразумевается — после польского восстания 1863–1864 гг.) они «переменились» [Леонтьев 3: 27].) Некоторые встреченные в действительности греки-русофилы так заинтересовали Леонтьева, что он сделал их прототипами персонажей в нескольких произведениях (самый яркий пример здесь Петро Хаджи-Кириаджи — прототип Дели-Петро (безумного Петро) или Хаджи-Петро в повести «Хризо» и Хаджи-Хамамджи в «Одиссее...»; речи этого героя цитируются и в очерке «Мои воспоминания о Фракии»).

Молодые европеизированные греки в большинстве своем на Россию уже не смотрят или видят в ней враждебное начало. Для них уже не существуют священные для старших предания об адмирале Ушакове, Дибиче, Паскевиче, судьбу родины они вверяют Англии (следующее поколение обратится к Германии). Одни и те же явления и свойства трактуются греками по-разному: *великая держава — деспотизм, тирания; благочестие — ханжество, послушание — рабство* и т. д. Даже одно и то же политическое поведение «северного исполина», уклоняющегося от большой всевропейской войны, воспринималось диаметрально противоположно: «Как мудра, как терпелива политика святой России!» — «Как лукава, как дальновидна политика этой треклятой России!» [Леонтьев 3: 334].

Что же касается самого автора, он рано почувствовал не благие перемены в отечестве и лишь «по долгу службы» не желал разочаро-

¹ Через две страницы другой грек говорит совсем иное: в России «судьи лицеприятны, простых людей бьют, бедность» [Леонтьев 3: 334].

² Столяр на Крите говорит, что «русские настоящие христиане» [Леонтьев 3: 23]. В «Одиссее...» Россия рисуется как прекрасная ветвь Восточной Церкви [Леонтьев 4: 51].

вывать русофилов, думающих, что в России все богомольны и «властям покорны» (об этом Леонтьев расскажет в автобиографических произведениях 1870-х гг.; так, он не хотел разубеждать адрианопольского драгомана Манолаки Сакелларио¹, выдумавшего «свою Россию, по преданию и разным отрывкам» и представлявшего ее «более своеобразною, чем она на самом деле» [Леонтьев 6, кн. 1: 214]). «Эти люди представляли себе Россию, изболтавшуюся ныне Россию, Россией серьезною и консервативною <...> и были в политике более русскими, чем мы сами...» [Леонтьев 6, кн. 1: 212].

В нескольких произведениях эта тема раскрыта через отношение к государственным наградам. Греки, как показывает Леонтьев, с чрезвычайным пиететом смотрели на русских дипломатов и чиновников с орденами и «постичь не могли бы, как это можно так подтрунивать над чинами и орденами, как делают у нас именно те, которые ими украшены»: «Наше юмористическое балагурство, наше легкомыслие в разговорах о государственных делах и государственных деятелях там неизвестно. <...> ...большинство восточных христиан больше сходно с нашими прежними дворянами, которые гордились своею службою, заслугами, орденами, которые готовы были, как говорили у нас насмешники, “спать в орденах”, а не стыдились их и не подтрунивали над ними, как делают у нас теперь» [Леонтьев 6, кн. 1: 178]

По мнению Леонтьева, Россия утратила много союзников на Востоке после так называемой греко-болгарской церковной распри, в которой она уклонилась от ролей третейского судьи или миротворца, формально держась в стороне, но явно склоняясь на сторону болгар. Действие во всех произведениях восточного цикла происходит до «болгарской схизмы», но в период, когда всё шло к ней, поэтому тема эллинского национализма, видящего в русском влиянии опасный «поток панславизма», здесь тоже затронута («Аспазия Ламприди», «Одисей Полихрониадес»).

В конце жизни Леонтьев признает невозможным создание Великого Восточного союза, в котором Россия играла бы решающую роль (проект подобного союза был темой ряда его статей начала 1880-х гг.). Но одна особенность, подчеркнутая в повести «Аспазия Ламприди», кажется, жива и до сих пор: «Только двуглавый орел <...> может осесть мирно крылами своими эллинский крест и луну ислама», только

¹ Прототип Канкелларио в «Египетском голубе».

Россия может «поручиться турку за грека и греку за турка» [Леонтьев 3: 306].

Список литературы

В. В. Розанов и К. Н. Леонтьев: Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники» / сост. Е. В. Ивановой. СПб.: Росток, 2014. 1180 с.

Ганина Н. А. «Из жизни христиан в Турции»: «восточные повести» К. Н. Леонтьева. URL: <http://pravaya.ru/idea/20/357> (дата обращения: 20.09.2020).

Грифцов Б. А. Судьба К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra: Антология: в 2 кн. СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного ин-та, 1995. Кн. 1. С. 294–358.

Дурылин С. Н. В своем углу / сост. и примеч. В. Н. Тороповой. М.: Молодая гвардия, 2006. 878 с.

Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2020.

References

V. V. Rozanov i K. N. Leont'ev: *Materialy neizdannoi knigi "Literaturnye izgnanniki"*, sost. E. V. Ivanovoi [Materials of the unpublished book "Literary Exiles", comp. by E. V. Ivanova. St. Petersburg, Rostok Publ., 2014, 1180 p. (In Russ.)

Ganina N. A. "Iz zhizni khristian v Turtsii": "vostochnye povesti" K. N. Leont'eva ["From the life of Christians in Turkey": "Eastern stories" by K. N. Leontyev]. URL: <http://pravaya.ru/idea/20/357> (access date: 20.09.2020). (In Russ.)

Griftsov B. A. *Sud'ba K. N. Leont'eva* [The fate of K. N. Leontiev]. K. N. Leont'ev: *pro et contra: Antologiya: v 2 kn* [K. N. Leontiev: pro et contra: Anthology: in 2 books]. St. Petersburg, Izd-vo Rus. Khristianskogo gumanitarnogo in-ta Publ., 1995, Book 1, pp. 294–358. (In Russ.)

Durylin S. N. *V svoem uglu, sost. i primech V. N. Toropovoi* [In his corner, comp. and note by V. N. Toropova]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006, 878 p. (In Russ.)

Leont'ev K. N. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 12 t. / podgot. teksta i komment. V. A. Kotel'nikova i O. L. Fetisenko* [Complete collection of works and letters in 12 vols.]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2000–2020. (In Russ.)